

Андрей Кокоулин

**Марсио
Герра
ПРОТИВ
судьбы**

Андрей Кокоулин

Марсио Герра против судьбы

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Марсио Герра против судьбы / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902910-2

Рассказ. Фэнтези. Мистика. Это повествование о коротком жизненном и посмертном пути Марсио Герра, всадника, капитана Эсприльи.

ISBN 978-5-44-902910-2

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Марсио Герра против судьбы

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2018

ISBN 978-5-4490-2910-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меня зовут Марсио Герра.

Везде и всюду. На все времена. Я – Марсио Герра, капитан Эсприльи, всадник-мускарон, сын своих родителей. Я – Марсио Герра.

Проклятие самому себе.

Бертино был маленький грязный городок, похожий на все городки Левиты разом. Камень, хворост и глина – строительный материал. Солома на круглых крышах. Колокольня у ворот. Городская площадь – пятьдесят шагов из конца в конец. Она же торговая, она же единственная. Она же место чтения королевских эдиктов и место казни.

В те дни на ней выступали хелеванты – бродячие артисты. Играли смешные сценки, кувыркались и танцевали на потеху публике.

Йолла была среди них.

В двадцать семь неполных лет я успел поучаствовать в четырех военных кампаниях – дважды против Пелузы, один раз против Картаджи и – в отряде наемников – за Пелузу против Реджио. Особой славы не снискал, но и в накладе не остался.

Пятая кампания под началом Амбуаза Теффино, будущего короля Эсприльи, закончилась для меня, едва начавшись. В одной из первых стычек копье савадора пробило мне шлем и едва не вскрыло череп. Левый мой глаз навсегда налился кровью, а за виском появилась длинная неровная борозда. Моя голова на ровном месте неожиданно стала взрываться дикой, раскалывающей болью, от которой хотелось орать в голос и кого-нибудь убить. Даже самого короля, попадись он под руку.

«Белинос» значит «бешеный». Так меня стали звать.

Мой приятель Эрца Пинаре считал, что Бертино – лучшее место для ночлега.

Теффино щедро расплатился с нами и ввиду ранения в сопровождении верных друзей отпустил меня на две недели домой, в Герраско.

Будущему королю предстояли важные переговоры, и, как я понимаю, мое присутствие его несколько нервировало. Говорили, он застал меня в припадке и пришел в ужас от моего красного глаза.

День клонился к вечеру. Нас было пятеро. Мы пустили лошадей трусой. Расположившийся в низине городок был хорошо виден с высокого холма – желтые и светлые пятна, оттененные уступами виноградников на соседнем холме.

– Ламаганти! – целовал Эрца Пинаре кончики своих пальцев. – Это же сказка, а не вино! Красное, как кровь. Клянусь, лучшее в Левите.

– А жирный свиной бок? – спрашивал он через мгновение. – Ели когда-нибудь? В гороховой подливке с чесноком?

– А девушки!

Эрца Пинаре закатывал глаза.
Мы все смеялись.

В Бертино не было ворот. Не было даже стражи. Вернее, она была, но решила отужинать в таверне через улицу. Пинаре выдвинулся вперед, показывая нам путь и распугивая горожан. Такие бравые мускароны, как мы, конечно, обязаны были прогарцевать через площадь. Нагрудники, перья, плащи! Грязные сапоги и пыльные морды. Хернан Арамаго даже взвил жеребца на дыбы, объявляя о своем появлении.

Вечер. Горели масляные фонари. Хелеванты грелись у жаровен, негромко звучала лютня и постукивал тамбурин.

Йолла сидела под фонарем, слегка отстранившись от остальных.

Я помню, мой взгляд нашел ее и больше не отрывался. Я не смотрел, куда скачу. В результате мне чуть не снесло голову вывеской местного сапожника. Возможно, так было бы и лучше. Но вывеска просвистела мимо, обдав опасным ветерком волосы, а мой сообразительный Сталот вынес меня с площади вслед за моими друзьями.

Нет, она была прекрасна.

Фонарь покачивался, и ее лицо казалось зыбким, сплетение теней и позолоты света. Изумительное лицо. Йолла о чем-то задумалась, и ее глаза, светло-голубые, смотрели поверх крыш, а тонкий палец подпирал кончик носа, и в этом жесте было столько непосредственности и красоты, что всем королевским фрейлинам, жеманницам и куртизанкам, следовало бы удавиться на месте.

Уже тогда я понял, что она будет моя.

– Вы видели ее? Видели? – вот и все, что я мог сказать, осаживая своего жеребца у коновязи. – Вы видели ее?

– Кого? – спросил Пинаре.

– Уж не смерть ли? – расхохотался толстяк Арамаго.

Вокруг нас сновали мальчишки, расседывая жеребцов и помогая нам с одеждой. Горбун собирал плащи на стирку. Девчонка лет пятнадцати вытирала полотенцем лицо нашему красавчику Луи, а тот беззастенчиво щупал ее за задницу. Хозяин гостиницы, подобострастно улыбаясь, светил нам от крыльца.

– Я видел, как ты чуть не лишился головы, – сказал светловолосый Меррак. – Парни, нашего Марсио едва не убил сапожник.

– О, это была бы бесславная смерть! – прогудел Арамаго.

– И нам пришлось бы отомстить вывеске! – добавил Меррак.

– Дурачье! – фыркнул я.

– Доброго вечера, доброго вечера, – кланялся нам хозяин.

Он посадил нас рядом с очагом. Тут же чумазый мальчишка крутил насаженного на вертел поросенка и глотал слюни и дым. На меня, на мой красный глаз он смотрел с испугом.

– Веселей крути, – хлопнул его печаткой по макушке Арамаго.

– Да, господин.

Надеясь на мелкую монету, мальчишка налег на вертел.

– Щенок!

Арамаго кинул ему эставо.

Мы заказали вина (конечно же, ламаганти) и свиной бок. Пинаре подбросил в воздух серебряный двойной фарт, и хозяин гостиницы поймал его, прихлопнув, как муху. Пока готовилось основное блюдо, мои спутники пробавлялись тушеными овощами и жареной в вино-

градных листьях курицей. Хозяин, пыхтя, принес бочонок ламаганти и разлил вино по кружкам.

Фонарь на цепи и огонь очага спорили между собой, кто родит больше света.

– Так кого ты видел? – спросил меня Эрца Пинаре, заметив, что я не пью и не ем, лишь задумчиво вожу пальцем по ободу кружки.

– Я знаю, – ухмыльнулся Луи, подкрутив усы.

– Так скажи нам, – потребовал Арамаго. – Ей-богу, эта тайна начинает меня бесить. Почему я не видел ничего?

– Она – моя, – сказал я, посмотрев на друзей своим кровавым глазом. – И это не обсуждается. Или найдутся претенденты?

– О, нет, – улыбнулся Пинаре.

– О, нет, – качнул головой Луи.

– Она? – удивился Арамаго.

– Девушка из хелевантов, – пояснил я.

– Они что, были на площади? – спросил толстяк.

– Были.

– Дьявол! То-то я думаю, чем так отвратительно тянет от жаровен. Эти хелеванты жарят и жрут лягушек и сверчков.

– Она точно не будет такое есть, – убежденно сказал я.

Луи хлопнул меня по плечу.

– Она действительно не дурна собой, мой друг, – сказал он. – Но эти артисты... Я бы не связывался.

– Почему?

– К ним не все в порядке с головой.

– А у меня? – спросил я.

Луи без тени страха выдержал взгляд моего красного глаза.

– Да, мой друг, ты можешь с ними посоперничать, – сказал он.

Я поднялся.

– Я иду к ней!

– Эй! – обиженно крикнул мне в спину Арамаго. – Почему посреди ужина-то?

Ночи в Левите всегда полны лунного света. Свет этот зыбок, а тени, порождаемые им, обманчивы и чудны. Зато клинок, на палец приподнятый в ножнах, предупреждающе поблескивает издалека. Бертино, возможно, тих и сонен, но один Бог знает, какие ему могут сниться сны и какие на сонных улочках могут встречаться люди.

Пусть Левита всегда оставалась в стороне от военных кампаний, это не спасало ее от дезертиров, разбойников и прочих лиходеев, растекающихся по округе в поисках убежища или легкого заработка. Бертино в этом смысле был несколько не лучше Марагоньи, Скуале или Бертильоны.

И что это там? Куст или человек?

Посвистывая и не выпуская странную тень из поля зрения, я направился вдоль выбеленной Луной стены, ограждающей дом справа.

– Прекрасная ночь, не правда ли? – сказал я, подойдя ближе.

Тень качнулась, словно соглашаясь.

– Не вежливо молчать, когда с вами разговаривает мускарон.

Снова молчание.

Я почувствовал, как кожа стягивается на лице в маску, в гримасу неудовольствия. А дальше боль, будто пушечное ядро, пущенное из бомбарды, взорвалась в моей голове, и,

кажется, я что-то исступленно кричал, размахивая толедским клинком, и скакал по улице, ведя воображаемый поединок.

Длилось это не долго, минут десять спустя я обнаружил, что, сбросив камзол, стою напротив жестоко посеченных кустов тамариска, всюду рассыпаны ветки и листья, а в пяти шагах онемело таращится на меня прибежавшая на шум стража – трое упитанных усатых мужиков с алебардами, которые, похоже, не знают, что вообще делать. Никакого смертоубийства вроде не происходит и не ясно, тюкать меня алебардой или пока погодить.

– Се... сеньор?

Я поднял камзол.

– Все в порядке, – сказал я стражникам, – повздорил с одним кустом.

Они дружно перекрестились, увидев мой красный глаз. Я усмехнулся.

– Хотите проводить меня до площади?

От жаровен действительно несло какой-то странной смесью запахов.

Тесной кучкой, сгрудившись у огня, ели дети, выхватывая из углей корявые куски мяса. Отблески огня делали их лица жуткими. В больших глазах плясали язычки пламени.

В поисках Йоллы я прошел дальше. Хелеванты, похоже, не собирались ложиться спать – часть их занималась хозяйством, остальные репетировали завтрашнее выступление. Шестеро строили пирамиду и рассыпались, куврякаясь, на отдельные фигуры. Ап!

Они были как механизм, который складывается сам по себе. Я видел такой у одного мавра. У него была бронзовая птица с глазами из сердолика. Он разбирал ее на части, отдельно – тело, голова, хвост и крылья, но стоило потянуть за связывающую их нить, как они без его участия опять собирались вместе.

Здесь было очень похоже.

Несколько мгновений – и пирамида выростала снова, тонкая фигурка на самом верху, стоя на плечах нижестоящего, вскидывала руки, а затем, изворачиваясь, упиралась ладонью в чужую голову и взлетала к луне ногами.

Ап!

Рядом жонглировали яблоками и мисками, перекидывали их друг другу бородач и пышных форм женщина в платье, расшитом звездами. Карлик звонко вбивал ножи в деревянный круг. А дальше, на канате, натянутом между двух шестов...

Я смотрел, как она идет по канату, в чулках и в коротких буффах, в открытой куртке без рукавов и шнуровки, надетой на тонкую рубашку, вся похожая на ловкого и бесстрашного мальчишку, и думал, что увезу ее в Герраско.

Жена из хелевантов, да.

– Лови! – крикнул снизу тощий парень в широкополой шляпе.

В лунном свете блеснул клинок. Капуйский, с расширяющимся к острию лезвием. И далеко не новый. Мне были видны многочисленные зазубрины.

Ап! Йолла ловко поймала клинок за рукоять, едва заметно присев. Мгновение – и она выпрямилась, развернулась на носках и поклонилась невидимой публике.

– Хорошо. Яблоко!

Парень высоко вверх подбросил плод.

Клинок прочертил в воздухе серебристую линию, половинка яблока улетела во тьму, мелькнув белым, срезанным боком, вторую половинку поймал я.

– Еще проход, – сказал парень и обернулся ко мне: – Любопытствуете?

– Да, – кивнул я.

– Приходите на представление, – сказал он. – Всего три эставо.

Я дал ему серебряный фарт.

– Как ее зовут?

Парень усмехнулся.

– Йолла.

– Пусть спустится ко мне.

– Мартышка, ты слышала? – задрал голову парень.

– Еще бы!

Ап! Оттолкнувшись от каната, Йолла сделала сальто и приземлилась около меня в коротком всплеске песка. Улыбка, светло-голубые глаза. Я, Марсио Герра, умер.

Мы отошли в зыбкую тень стены.

Мой красный глаз и неровный череп не произвели на Йоллу отталкивающего впечатления. К хелевантам прибивается много уродцев, так что, возможно, я был не самый страшный.

– Чего вы хотели, сеньор?

Она заложила руки за спину.

– Я – мускарон, капитан Марсио Герра, – сказал я.

– Я вижу, у вас камзол в цветах Эсприльи.

– Да.

Я умолк. Мы смотрели друг на друга. Я видел насмешливое недоумение в ее глазах.

– Так что вам надо, капитан Герра?

Я протянул ей скудо.

– Это за ночь.

Она рассмеялась.

– Вы щедры, мускарон.

– Мало?

– А вы готовы на большее?

Я прибавил к скудо еще два.

– Вот!

– За ночь?

– Нет. Я беру тебя в жены.

– Тоже на ночь?

– Навсегда!

– Вот как? – удивилась Йолла. Глаза ее все еще смеялись. – Вы ведь совсем не знаете меня, капитан Герра. А вдруг я храплю? Или без меры прожорлива? Или совсем не так хороша в постели, как вы себе представили?

Я мотнул головой.

– Ты будешь моей так или иначе.

Йолла посерьезнела.

– У вас недобрый глаз.

– Пять скудо!

– Чего он хочет? – спросил у Йоллы появившийся из тьмы парень в шляпе.

– Мы торгуемся, – сказала девушка.

– Что на кону?

– Я.

Парень присвистнул.

– Почему мне раньше не пришло это в голову? В Тюльпери, помнишь, я мог бы купить тебя за рогалик.

Луна выбелила его глумливую физиономию.

– Заткнись! – рявкнул я. – Пятнадцать скудо!

Весь цирк хелевантов мог жить на эти деньги два, а то и три месяца.

– Сеньор, – сказала Йолла негромко, – даже за все сокровища Саламанки, боюсь, я не смогу быть с вами.

Королевский эдикт об изгнании и изъятии земель в пользу казны было бы принять легче, чем ее слова.

– Почему? – выхрипел я.

Глаз мой начало дергать.

– Потому что я вас не люблю, – сказала девушка.

– Это не имеет значения. Пятнадцать скудо! – я протянул мешочек с монетами парню. – Выкупаю ее.

– Я не могу решить это сам, – сказал парень.

Мне почудилось, что он подмигнул Йолле. В левой половине моей головы начал медленно нарастать шум. Жаркий шум пожирающей разум боли.

– Кто может решить?

Парень почесал лоб под шляпой.

– Майнис разве что, – сказал он.

– Веди к Майнису, – потребовал я.

– Майнис – это круг, общее собрание, – пояснила Йолла.

– Пусть будет круг.

Мы вернулись на площадь.

Репетиции закончились. Дети исчезли. Вместо них у жаровен теснились женщины и мужчины. Женщины были в длинных цветастых юбках, в свободных блузах, в платках. На каждой поблескивало монисто из медных монеток или бусин жемчуга. Некоторые курили, дымки вились из длинных трубок. Мужчины в подоткнутых до колен штанах, в свободных рубахах, босые, сидели у них в ногах и передавали по кругу ковш с вином.

Кто пил, не забывал частицу вина подарить жаровне. Искры взвивались к пятнистому диску Луны.

– Энасме.

Йоллу и парня в шляпе встретили взмахами рук. Подвинулись, высвободили место. Парень тут же подсел к седому, но крепкому старику и принялся шептать ему на ухо.

Я встал перед жаровней.

Искры грозили издырять и поджечь одежду, но мне не было дела ни до искр, ни до одежды. Я смотрел, как Йоллу принимают в круг, как какой-то мужчина обнимает ее за талию, хотя его руки и были скрыты во тьме, как она улыбается и тянется за длинной трубкой.

Кровь во мне кипела.

– Хоэр! – сказал вдруг старик.

Общество у жаровни притихло.

– У нас здесь высокородный мускарон просит нашего ответа.

Йолла затянулась дымом и мельком взглянула на меня.

– О чем просит мускарон? – подал голос кто-то невидимый.

Старик принял дошедший до него ковш, глотнул и сплюнул в огонь.

– Он дает деньги за нашу хэфе, хочет, чтобы мы ее отпустили. Большие деньги дает. Думает, мы ее держим.

– Пятнадцать скудо, – сказал я.

Кто-то потрясенно выдохнул. Звякнуло монисто.

– Он хочет взять Йоллу в жены, – произнес старик. – Взять без ее согласия, и надеется, что мы ему поможем.

Среди мужчин и женщин возник ропот.

– Жигу ему в бок! – услышал я.

– Без согласия?

– Кто он такой? Хелеванты – вольный народ!

– Хэфе сами решают, с кем им спать!

Я сжимал зубы так, что заныли десны.

– Хоэр! – снова прикрикнул старик.

Опять стало тихо. Только угли потрескивали. Луна приглушила свое сияние. Но, может быть, потемнело у меня в глазах.

– Что мы ответим мускарону? – спросил старик.

– Вам лучше ответить «да», – прошипел я.

Мешочек с золотом, перелетев жаровню, упал старику на колени, но не удержался, свалился, звякнув на земле.

Он не поднял его.

– Майнис говорит так, – помолчав, сказал старик. Седая голова его вскинулась, в темных глазах сверкнул огонь. – Йолла – вольная хэфе, и, значит, только ей предстоит решать, давать тебе согласие, мускарон, или нет. Если она скажет «да», то так тому и быть, мы не станем преградой у нее на пути. Но если она скажет «нет», тебе, мускарон, надлежит принять это со смирением и без злости.

Я подумал: «Черта с два!», но кивнул, едва сдерживаясь. Мой глаз горел, казалось, искры от жаровни залетели в глазницу.

– Пусть скажет.

– Йолла, – кивнул старик.

Девушка встала.

– Капитан Марсио Герра, возможно, вы – хороший человек...

Я скривился.

– Но я говорю вам: «Нет». Я не люблю вас, ка...

Крик вырвался из меня.

– Вы! Все вы!

Наверное, я бы убил кого-нибудь уже тогда.

Боль вспыхнула и разорвала меня на части. Я взревел и опрокинул жаровню. Помню, как закричали, подались назад женщины, как завскакивали мужчины.

– Убью!

Кто-то прыгнул на меня сзади, сдавил горло, и мне не удалось достать клинок. Я боднул противника затылком, но на меня кинулись сразу несколько человек, подняли, потащили за руки и за ноги с площади. Как я не изгибался, какие проклятия не кричал, какими карами не грозился, они не отпустили меня, пока не донесли до двора гостиницы.

– Эшуд! – плюнул кто-то мне в лицо.

Удар о землю выбил из меня дух.

Мешочек с деньгами кинули следом, он шлепнулся мне на грудь. Я захохотал. Теперь я точно знал, что Йолла будет моей.

Хелеванты убрались, оглядываясь.

Первым меня, отряхивающего грязь и дерьмо с камзола и штанов, заметил Меррак. Он вышел на крыльцо помочиться и, случилось так, что едва не помочился на меня.

– Марсио!

– Да, это я, – сказал я, стоя на нетвердых ногах.

– Дьявол, что с тобой случилось?

Я стер со щеки кровь.

– Я не понравился им, как жених.

– Эрца! Луи! – крикнул в направлении дверей Меррак.

Мои пьяные друзья не заставили себя ждать.

– Что тут? Кто здесь?

Они, пошатываясь и белея рубашками, встали у перил. За ними из гостиницы вывалился Арамаго в одном сапоге.

– Друз-зья, я тоже хочу осв-вежиться!

Сапог бухал по доскам.

– Почему без меня? О-йо! – Арамаго сфокусировал зрение на мне. – Друг! Ты очень похож на моего капитана! Его з-зовут Марсио!

Разобраться с хелевантами решили единогласно.

Разбойничий налет, по словам Арамаго, следовало начинать «прямо вот счас». Выкрасть девчонку, пустить огня в повозки, показать проклятым циркачам, что мускаронов Эсприльи нельзя отвергать без последствий. Железо и петух! Требуя немедленных действий, Арамаго стучал по столу клинком, а потом, когда его отобрали, снятым с ноги вонючим сапогом.

Бум! Бум! Бум!

– Друг мой Марсио, ты должен быть отмщен!

Я ухмыльнулся.

– Нет, мы не будем торопиться.

Боль колола изнутри, и я жмурился и то и дело давил на висок ладонью.

– Мне не нравится твой глаз, – озабоченно сказал Пинаре.

– Он мало кому нравится, – ответил я.

– Ты видишь им?

Я закрыл целый глаз. Мир вокруг, и так не слишком светлый, потемнел и утратил четкость. Лицо Пинаре оплыло в жуткое розовое пятно.

– Дьявол!

– Он будто готов взорваться.

– Это точно, – подтвердил Луи и дал мне скрученный шелковый платок. – Лучше спрячь его под повязку.

– Вот что, – сказал я. – В городе мы на них нападать не будем. Здесь они под защитой короля.

– И куча свидетелей, – сказал Меррак.

– И городская стража, – добавил Луи.

Арамаго презрительно фыркнул. Толстого мускарона с сапогом мало волновали озвученные препятствия.

– По эдикту бродячие артисты могут давать представления в городе не более четырех дней, – сказал я, – значит, сегодня или завтра они отправятся в сторону Горгочи или Шуана. Мы будем следовать за ними, пока они не остановятся на привал. Нас будет пятеро против тринадцати взрослых, включая карлика, и шести детей.

Эрца Пинаре задумчиво пощипал бородку.

– Ты хочешь...

– Нет, – сказал я, – я хочу только Йоллу. Остальные циркачи меня не интересуют.

– Но если они потом доберутся до Горгочи?

– Пусть!

– Подадут жалобу королевскому прокурору...

Арамаго пьяно хохотнул. Прокурор – это смешно. Циркач против мускарона в королевском суде – еще смешнее.

– И что? – спросил я. – Я – капитан Марсио Герра, владелец бье Лонфор, всадник короля. А они? Бродяжье племя.

– Ты знаешь, – поморщился Пинаре, – Теффино захочет показать себя справедливым сюзереном. Не сомневайся, это дело дойдет до него.

– И нас не эстетично повесят, – сказал Луи.

– Кроме того, твой глаз, – вздохнул Эрца.

– Что мой глаз? – я потрогал повязку.

– Король боится его.

Выход придумал Меррак.

– Мы замотаем лица, – сказал он.

– Марсио все равно опознают, – мрачно сказал Пинаре.

– И что? Он заплатит за девушку. Сколько ты готов за нее заплатить? – повернулся ко мне Меррак. – На рынке в Басонье нубийский слуга стоит до семи скудо, за редкие экземпляры дают десять, иногда одиннадцать.

– Десять я готов, – сказал я.

Пинаре качнул головой. По его меркам это было расточительство.

– Тогда все замечательно! – воскликнул Меррак. – Если хелеванты обращаются к прокурору и говорят, что мы выкрали девушку из общины, ты говоришь, что выкупил ее по праву мускарона, и совершенно не важно, возьмут они твои деньги или к ним даже не притронутся. Если же, по их словам, твоя добыча окажется вольной девушкой, то какие жалобы к прокурору? Пусть девушка и жалуется.

– Ее могут попросить предъявить, – сказал Луи.

– Думаю, за это время наш Марсио покажет себя с самой лучшей стороны, и девчонка не подумает сказать и слова против него.

– Или мы скажем, что она сбежала, – сказал я.

– Что вы все – бе-бе, бу-бу, – заплетающимся языком произнес Арамаго и, положив сапог под щеку, густо захрапел.

Эрца посмотрел на него.

– Да, пора и нам, – сказал он.

Я пил в одиночестве всю ночь. Эрца, Луи и Меррак разбрелись по комнатам. Арамаго храпел под боком. Прислуживавший нам мальчишка, свернувшись калачиком, лежал на дальней лавке. На кухне шуршали мыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.